

Н. Н. МОЛЧАНОВ

Генерал де Голль

<Фрагмент>

<...>

Профессиональная бронетанковая ударная армия оставалась мечтой, а война неотвратимо надвигалась. Де Голль возмущается «глупостью ротозеев, приветствовавших мюнхенскую капитуляцию». Он был одним из немногих, кто сознавал близость войны. Ну что же, надо к ней готовиться! Тем более что в июле 1937 года полковник де Голль назначен командиром 507-го танкового полка в Меце. Он снова становится требовательным и пунктуальным командиром, доводящим до совершенства подготовку своей воинской части. В тужурке и шлеме танкиста полковник, несмотря на свой огромный рост, умудряется влезать в тесный танк. Водители, механики, стрелки, радисты изнемогают от напряженных усилий, но зато 507-й полк становится образцовым, а де Голль получает прозвище «полковник Мотор». На параде 14 июля 1938 года командующий корпусом генерал Жиро поздравляет полковника де Голля. Впрочем, генерал Жиро¹, типичный армейский служака, мыслящий положениями Уставов, не жалуется на де Голля, ибо знает о его расхождениях с высоким начальством. Однажды на маневрах дивизии де Голль предлагает бросить его танковый полк в самостоятельную атаку, что решительно противоречит инструкциям. Генерал Жиро резко обрывает его: «Пока я жив, милейший де Голль, вам не удастся навязать здесь свои теории...»

Между тем в сентябре 1939 года начинается война, и германские танковые дивизии за две недели разгромили Польшу, действуя именно в духе подобных теорий. Франция же, как

и предвидел де Голль, безучастно наблюдает за крахом союзника, не высовывая носа за «линию Мажино». Говорили, что Франция уподобилась старой черепахе, втянувшей голову в свой панцирь. В дополнение к этому панцирь-то оказался не прочнее яичной скорлупы. А между тем немцы оставили на своей западной границе лишь слабый заслон, который нетрудно было бы прорвать, если бы Франция имела ударную бронетанковую армию.

За день до начала войны де Голль назначен командующим танковыми войсками 5-й армии в Эльзасе, в Вангенбурге. Это повышение не доставило де Голлю большого удовольствия. «На мою долю выпало, — говорил он, — играть роль в ужасной мистификации... Несколько десятков, легких танков, которыми я команду, — это всего лишь пылинки... Мы проиграем войну самым жалким образом, если не будем действовать».

Но действовать никто не собирался. Французская армия, совершенно не подготовленная к современной войне, оставалась все в том же состоянии. Официальные лица произносили успокаивающие речи на тему о несокрушимой оборонительной мощи «линии Мажино». Это была так называемая «странная война», во время которой французское военное командование питало фантастическую надежду на то, что до настоящей войны дело вообще не дойдет.

В январе 1940 года де Голль был в Париже. Поль Рейно, в то время министр иностранных дел, пригласил его на завтрак. Здесь был также и Леон Блюм, который спросил де Голля, как он представляет себе развитие событий. «Весь вопрос теперь в том, — отвечал де Голль, — нанесут ли немцы удар на западе, чтобы захватить Париж, или на востоке, чтобы выйти к Москве». Такое заявление де Голля очень удивило Блюма: «Вы так думаете? Немцы ударят на восток? Но какой же им смысл увязать в бескрайних русских просторах? Вы считаете, что они бросятся на запад? Но ведь они бессильны против линии Мажино!»

Что касается Поля Рейно, то он слушал де Голля, не произнося ни слова, и одобрительно кивал головой. Полковник и Леон Блюм вместе молча вышли из здания министерства финансов, где происходила встреча. У выхода на площадь Курсель де Голль остановил Блюма такими словами: «Если вы в состоянии действовать вместе с Полем Рейно, то действуйте, я вас заклинаю...»

Де Голль понял, что в Париже очень смутно представляют себе военную и политическую обстановку. Такое же впечатление

произвела на него беседа с президентом Лебреном², посетившим 5-ю армию и осмотревшим с уверенным видом устаревшие танки, которыми командовал де Голль. Лебрен тоже не ожидал со стороны немцев каких-либо сюрпризов.

Еще в ноябре де Голль направил в генеральный штаб записку об уроках, которые следует извлечь из операций вермахта в Польше. Он подчеркнул высокую эффективность бронетанковых и моторизованных сил и крайнюю неустойчивость оборонительных линий поляков. Записка не имела никаких последствий. Генерал Дгофь³ ограничился пренебрежительным замечанием: «Эти выводы при нынешнем состоянии вопроса должны быть отклонены».

В случае войны французские танковые соединения по-прежнему обязаны были действовать в соответствии с «генеральной инструкцией» от 12 августа 1936 года. Генерал Эймансбергер в немецком журнале «Милитервохенблатт» в мае 1937 года писал о ней: «Предлагаемое в этой инструкции тактическое применение танков свидетельствует о потрясающем незнании действительности».

Де Голль предпринял еще один, совершенно беспрецедентный для армейского полковника шаг. 21 января 1940 года он направил 80 наиболее крупным военным и политическим деятелям меморандум, в котором вновь писал о крайне опасном положении Франции и о необходимости немедленных энергичных мер. Де Голль предупреждал о неизбежности большого наступления немцев с применением огромных бронетанковых и механизированных сил при поддержке авиации. Он предсказывал, что французский фронт может быть в любой момент прорван и тогда разгром неминуем. Он требовал немедленно свести в один кулак все распыленные по разным соединениям танки. Де Голль ясно видел будущее. Ссылаясь на опыт боевых операций в Польше, де Голль писал: «Быть инертным в нынешнем конфликте, значит оказаться побежденным... Французский народ ни в коем случае не должен питать иллюзий, будто бы нынешний отказ наших вооруженных сил от наступательной доктрины соответствует характеру начавшейся войны. Как раз наоборот. Мотор придает современным средствам уничтожения такую мощь, такую скорость, такой радиус действия, что уже начавшаяся война рано или поздно по размаху и стремительности маневра, внезапности атак, по масштабам вторжения и преследования намного

превзойдет все, что было наиболее замечательного с этой точки зрения в прошлом... Не следует заблуждаться! Начавшаяся война может превратиться в самую распространенную, самую сложную, самую жестокую из войн, которые когда-либо опустошали землю. Породивший ее политический, экономический, социальный и моральный кризис носит столь глубокий и всеобъемлющий характер, что он неизбежно приведет к коренному перевороту в положении народов и в структуре государств. В силу неопостижимой гармонии вещей орудием этого переворота, вполне соответствующим его гигантским масштабам, становится армия моторов. Уже давно пора Франции сделать из этого вывод».

Гласом вопиющего в пустыне остался и этот крик души полковника де Голля. В Париже же происходило нечто невероятное. О войне против Германии как будто забыли, хотя германского вторжения можно было ожидать в любой момент. Кое-что, правда, делали. В начале 1940 года наконец-то сформировали одну танковую дивизию, оснатив ее устаревшими машинами образца 1925 года. Дивизия получила 120 таких танков, тогда как, по расчетам де Голля, полностью оправдавшимся практикой войны, их должно было быть 500.

Зато лихорадочная деятельность развернулась в другом направлении. В это время шла война между Финляндией и СССР. Решено было ввязаться в эту войну на стороне Финляндии. Началась бешеная подготовка так называемой «белой Марны», как, по безумной аналогии с боями на Марне в 1914 году, называли авантюристический план антисоветской войны. Хотя французская армия, против которой стояли готовые к бою огромные силы гитлеровцев, крайне нуждалась в самом необходимом, в Финляндию срочно направили 175 самолетов, 500 орудий, 5000 пулеметов и автоматов и другое снаряжение. 8 января Даладье отдал приказ о формировании специальной альпийской бригады для отправки в Финляндию. Приказ был выполнен за 20 дней. 19 января последовало указание подготовить план операции по уничтожению нефтяных промыслов в Баку. На Ближний Восток направили для подготовки наступления на Кавказ генерала Вейгана. Только окончание в марте 1940 года советско-финской войны предотвратило осуществление этих грандиозных по своей нелепости замыслов. Генерал де Голль так описывает в своих «Военных мемуарах» тогдашнюю обстановку во Франции: «Надо сказать, что некоторые круги усматривали врага скорее в Сталине, чем

в Гитлере. Они были больше озабочены тем, как нанести удар России — оказанием ли помощи Финляндии, бомбардировкой ли Баку или высадкой в Стамбуле, чем вопросом о том, каким образом справиться с Германией... Что касается совершенно дезориентированной массы, чувствовавшей, что ничто и никто во главе государства не в состоянии руководить событиями, то она находилась в состоянии сомнения и неуверенности. Ясно было, что серьезное испытание вызовет в стране волну отчаяния и ужаса, которая может погубить все».

20 марта 1940 года разразился правительственный кризис, кабинет Даладье ушел в отставку. После прорыва «линии Маннергейма» Красной Армией и заключения перемирия обнаружилась бессмыслица планов антисоветской войны, которую Даладье превратил в главную задачу своего правительства. Формирование нового кабинета поручили Полю Рейно, зарекомендовавшему себя в качестве сторонника ведения серьезной войны против Германии или, как говорили тогда, «французского Черчилля». Не последнюю роль в приобретении такой репутации играло то, что Рейно ловко использовал с 1935 года идеи де Голля, которые он громко провозглашал.

Рейно немедленно вызвал в Париж де Голля и поручил ему написать правительственную декларацию. Полковник быстро составил яркий и краткий текст, целиком одобренный новым премьером. Де Голль впервые становится непосредственным свидетелем процедуры формирования кабинета и видит этот клубок интриг, сделок, взаимный обман и жонглирование парламентской арифметикой. Он видит игру интересов, тщеславия, корыстных расчетов. Казалось, все забыли, что идет война, что над Францией нависла смертельная опасность. На де Голля все это производит впечатление чудовищного фарса.

<...>

